

Такая вариативность географического воображения Хайленда отражала не только ту степень неопределенности, с какой многие «шотландские» чины, их агенты и информаторы сталкивались в Горной Стране (как правило, те из них, что являлись в крае чужаками). Воображаемая география соответствовала поворотам хайлендской политики Лондона, по-своему отражая процесс интеграции этой гэльской окраины как на уровне конкуренции образов Хайленда, так и в восприятии его «цивилизации» британской читающей публикой.

Литература

1. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. – № 3. – 2002. (впервые работа опубликована в 1980 г.).
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003.
3. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М., 2002.
4. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004.
5. Edgar W. A New and Correct Map of Loch-Lomond, with the Country Circumjacent being Part of Dumbarton-Shire, Argyle-Shire and Stirling-Shire, 1743 // *British Library. Maps K. Top.* 48.47.
6. Graham N. An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.] // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. – Edinburgh, Glasgow and London, 1822.
7. Mackay H. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. – Edinburgh, 1833.
8. Murdoch S. Language Politics in Scotland. – Aberdeen, 1995.
9. The Early Maps of Scotland to 1850. Vol. I. // Ed. by Donald Grant Moir, Harry R.G. Inglis. – Edinburgh, 1973.
10. The Highlands of Scotland in 1750. – Edinburgh, 1898.
11. The Journal of the House of Commons. Vol. 12. – London, 1802.
12. Walters G. Thomas Pennant's Map of Scotland, 1777: A Study in Sources, and an Introduction to George Paton's Role in the History of Scottish Cartography // *IM*, Vol. 28 (1976).
13. Withers C.W.J. Gaelic in Scotland 1698–1981: the Geographical History of a Language. – Edinburgh, 1984.
14. Withers C.J.W. The Historical Creation of the Scottish Highlands // *The Manufacture of Scottish History* / Ed. by I. Donachie and C. Whatley. – Edinburgh, 1992.

УДК 93/94

О.И. Малюгин

г. Минск, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

«SUPERBUS TYRANNUS»: ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О ВОРТИГЕРНЕ

В наиболее разработанной версии истории об Артуре, которую в XII веке представил на суд читательской аудитории Гальфрид Монмутский в своей «Истории королей Британии», немалое место занимает Вортигерн – правитель бриттов, при котором началась проникновенная на остров саксов во главе с Хенгистом и Хорсой (НКВ, 94–105). Гальфрид подробно рассказывает о приходе Вортигерна к власти, его взаимоотношениях с саксами, женитьбе на Ровене и, по сути, предательстве интересов своих бриттских подданных. Для Гальфрида эти события служат прологом к началу артуровской истории – начиная со строительства Вортигерном крепости и последовавшего затем пророчества Мерлина (НКВ, 106–118).

Эти события, хорошо известные по более поздним сказаниям артуровского цикла, помещаются Гальфридом в контекст исторических событий, происходивших в Британии на протяжении V столетия. При этом мы можем констатировать, что исторические сочинения сохранили для нас имена лишь нескольких людей, живших в то время. Показательно, что Гильдас, наш основной источник сведений о пост-римской Британии, вообще ограничивается упоминанием одного лишь Амвросия Аврелиана, когда рассказывает о перипетиях борьбы бриттов и саксов. Другие произведения говорят чаще о церковных лидерах, таких как Агрикола или Патрик.

Если внимательно прочитать все тексты, созданные в V–VI столетиях, то в них мы не обнаружим имени Вортигерна. И это будет весьма интригующе, если учесть ту роль, которую он играет в более поздних сочинениях. Гальфрид значительную часть для своего произведения почерпнул из труда, приписываемого Неннию, – «*Historia Brittonum*», где Вортигерну уделено много внимания,

говорят о Вортигерне также составители «Англосаксонской хроники», Вильям Мальмсберийский, упоминается он в надписи на колонне Элисега (IX в.).

Это позволило некоторым исследователям утверждать, что Вортигерн никогда не существовал и является личностью легендарной, появившейся на страницах текстов, созданных уже в VIII–IX веках. И главный аргумент в таких построениях – это молчание о Вортигерне Гильдаса, нашего основного информатора о тех событиях.

Повествуя о приходе саксов, Гильдас, как уже было сказано, не называет имени Вортигерна, он оперирует термином «*superbus tyrannus*», который совместно с «советниками» пригласил в Британию для защиты своего королевства от северных варваров саксов, впоследствии обративших оружие против бриттов: *«Тогда были ослеплены все советники вместе с надменным тираном и избрали такую защиту – а скорее погибель – отечества, так что эти дичайшие, нечестивого имени саксы, Богу и людям мерзкие, были введены, словно волки в овчарню, на остров для сдерживания северных народов»* (DEB, 23).

Отношение Гильдаса к «*superbus tyrannus*» сугубо отрицательное, причем использование в отношении его прилагательного *infaustus* может подразумевать, что кончина этого тирана была весьма печальной.

Однако также Гильдас молчит на страницах своего труда и об Артуре, чье имя он не называет, хотя в историчности Артура ныне существует мало сомнений. Потому многие исследователи склонны отождествлять Вортигерна с «*superbus tyrannus*» Гильдаса и обсуждать причины, по которым последний не называет его по имени. Даже Д. Дамвилль, который в целом крайне скептически настроен в отношении британской истории V столетия, склонен считать Вортигерна исторической личностью [1, с. 185].

До нашего времени сохранилось 4 относительно полных рукописи с текстом «*De Excidio*». В двух из них, на которых обычно основаны современные издания этого текста, нет имени «*superbus tyrannus*», он остается анонимным. В двух других – Кэмбриджской рукописи X (текст Гильдаса в ней датируется XIII веком) и Авраншской рукописи (датируется XII веком) это имя имеется. В Авраншской рукописи говорится «тиран Вортигерн» (*tyranno Uortigerno*), а в рукописи X – «тиран Вортигерн, вождь бриттов» (*tyranno Gurthigerno britannorum duce*).

Первая реакция исследователей на такое расхождение – признание имени Вортигерна в этих двух текстах позднейшей интерполяцией переписчиков (так считал еще в конце XIX столетия Т. Моммзен). Однако против такого мнения можно привести слова Беда, который в VIII веке говорит о Вортигерне, сначала в работе «Об исчислении времен» (в форме «*Uertigernus*»), а затем и в «Церковной истории» («*Uurtigernus*»). Это позволяет ряду исследователей предположить, что Беда знал какой-то вариант труда Гильдаса, более полный, чем дошедшие до нашего времени.

Дополнительным аргументом в пользу такой точки зрения может служить обнаружение еще одного фрагмента труда Гильдаса – в рукописи MS 414 из муниципальной библиотеки Реймса. Этот текст, датируемые предположительно IX столетием, весьма близок к Авраншской рукописи и при этом не повторяет ее ошибок. Но, к сожалению, главы 23 в этом тексте нет, отрывок начинается с главы 27, потому с определенностью судить о том, называл ли Гильдас имя тирана, мы не можем. Можно лишь утверждать, что вероятность того, что Гильдас изначально указал имя Вортигерна, которое позднее при копировании пропало из текста ряда рукописей, весьма высока.

Тем не менее, единства среди исследователей на этот счет нет. Наряду с отрицанием историчности Вортигерна в целом, существует ряд других гипотез, стремящихся объяснить появление этого слова в более поздних текстах. Так, некоторые специалисты склонны считать, что «Вортигерн» – это не имя собственное, а титул. В таком случае «вортигерн» означал «главнокомандующий» или (по аналогии с ирландским *ard-ri*) «верховный король», и «*superbus tyrannus*» у Гильдаса – это простой перевод термина на латынь. Кеннет Джексон, оспаривая такую гипотезу, отмечал, что, во-первых, мы неплохо знакомы с кельтской терминологией, в которой нет никаких следов такого титула, а во-вторых, контекст, в котором употребляется слово Вортигерн, не оставляет сомнений, что это имя собственное [3, с. 36–37]. Также можно отметить, что нам известны и другие кельтские имена с окончанием *-gern* (к примеру, Кентигерн), никакого отношения к социальной терминологии не имеющие.

Имеются и попытки отделить «*superbus tyrannus*» Гильдаса от Вортигерна, известного нам по более поздним текстам. Один из вариантов предлагает Роберт Хамфрис, который считает возможным существование двух различных Вортигернов – одного, идентичного «*superbus tyrannus*»

Гильдаса, а второго – одного из родоначальников королевской династии Повиса, отмеченного на колонне Элисига. В более позднее время произошло слияние этих двух исторических персонажей, при котором превалирующей стала личность именно персонажа «De Excidio» [2].

Еще один вариант – поиск иного кандидата на должность «*superbus tyrannus*». В данном контексте весьма любопытна гипотеза Ф. Рено, который в ряде публикаций попытался отождествить его с западноримским императором Валентинианом III [6, с. 84–87]. Автор, правда, сам признает хрупкость своей теории, указывая, что нам неизвестно, чтобы Валентиниан когда-либо посещал Британию, к его времени вышедшую из-под римского контроля. Главный его аргумент – только император мог приглашать варваров-федератов для поселения в границах империи, потому фраза Гильдаса должна относиться именно к императору, а не к местному, пусть даже и романизированному, правителю. Аргументация подобного рода во многом опирается на текст «*Notitia Dignitatum*», составленной в окончательной форме в 20-х годах V столетия. В ней перечисляются военные подразделения и официальные должности по римским провинциям, в том числе содержатся сведения относительно британских провинций. Это дает повод утверждать, что в это время на острове еще присутствуют римские войска и чиновники. Однако критики такой точки зрения справедливо указывают, что текст «Нотии» составлялся на протяжении длительного времени, и британская секция отражает реалии IV столетия, если не конца III-го. Наличие римских войск в Британии после 410 года не подтверждается ни письменными текстами, ни данными археологии.

Как уже было сказано, первым автором, называющим имя Вортигерны, был Беда Достопочтенный. Согласно общему мнению исследователей, его рассказ об «*adventus saxonum*» преимущественно основан на тексте Гильдаса. Беда добавляет мало подробностей к рассказу своего предшественника, но они весьма важны. Во-первых, это имя Вортигерны (НЭ. I, 13), во-вторых, имена предводителей германцев – это Хенгист и Хорса (НЭ. I, 14). Важно отметить, что в *Chronica Majora* Беда приводит кельтскую форму его имени – «*cum rege suo Vertigerno*», тогда как в «Церковной истории», законченной через 6 лет, – уже англосаксонский вариант – «*cum suo rege Uurtigerno*». Можно предположить, что Беда пользовался различными источниками информации, как кельтскими, так и англо-саксонскими [5, с. 252–253]. Наверняка, именно из устной англосаксонской традиции (скорее всего, кентской) он почерпнул имена Хенгиста и Хорсы (проблема историчности которых также долгое время волновала умы ученых). Вне зависимости от того, были ли эти воспоминания исторически верны или нет, они представляют традицию аутентичную, и если мы признаем, что и в кельтской, и в англо-саксонской традиции упоминается имя Вортигерны, это весьма серьезный аргумент в пользу Беды, отождествившего «надменного тирана» с Вортигерном [4, с. 44].

Второй раз в «Церковной истории» Беда упоминает Вортигерну, когда ведет речь о смерти короля Этельберта Кентского. Перечисляя предков Этельберта, Беда говорит: «*Отца Эрика звали Хенгист, который вместе со своим сыном Эском, будучи призваны Вортигерном, первыми пришли в Британию, как мы уже об этом сообщали*» (НЭ. II, 5).

Однако Беда не сообщает других деталей о короле Вортигерне, кроме самого факта призвания им саксов. Закономерно возникает вопрос: «Почему?». Можно рассмотреть два варианта. Во-первых, никакой особой, дополнительной информации устная традиция не сообщала, потому Беда и не приводит иных подробностей. Ситуация достаточно невероятная, с учетом того внимания, которое сказители раннего средневековья питали к деталям (либо реальным, либо вымышленным). Дополнительно можно указать и на тот факт, что в более поздней исторической традиции (начиная с Ненния) история Вортигерны и саксов наполнена подробностями, почерпнутыми как из уэльских, так и англо-саксонских преданий [подр. см.: 2]. Логично предположить, что эти рассказы формировались, начиная уже с V столетия, и в распоряжении Беды были уже достаточно подробные повествования.

Тогда возможно второе предположение. Зная эти подробности, Беда решил не упоминать про них в тексте своего труда по каким-то причинам, которые для нас могут навсегда остаться неизвестными. Быть может, эти детали не укладывались в схему, которой следует Беда в своем труде. Историк рассматривал англо-саксонское завоевание бриттов как Божье провидение, отдавшее кельтов-христиан под власть язычников-германцев, которым суждено было стать избранным народом. И тогда вполне логично, что детали этой устной традиции, не воспринятые Бедой, вполне укладывались в концепцию Ненния, также опиравшегося на кельтские источники и гораздо больше внимания уделявшего истории Вортигерны.

Таким образом, можно констатировать, что реальная историческая фигура Вортигерны в трудах историков V–VIII веков (Гильдас и Беда) предстает крайне схематично, несмотря на тот факт, что в народных легендах ей уделялось гораздо большее внимание. Причиной такого молчания историков, скорее всего, послужили внутренние мотивы каждого из этих авторов. В последующие же века Вортигерн становится одним из наиболее излюбленных персонажей британской исторической традиции, прежде всего на кельтских землях.

Список сокращений

DEB – Gildas. De Excidio et conquestu Britanniae.
HKB – Galfred of Monmouth. The History of the Kings of Britain.
HB – Nennius. Historia Brittonum.
HE – Bedae Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum.

Литература

1. Dumville D.N. Sub-Roman Britain: History and Legend // History. – Vol. 62. – 1977. – P. 173–92.
2. Humphries R. From Superbus Tyrannus to Gwrtheyrn Gwrtheneu: the development of the Vortigern tradition in early medieval Wales [mode of access: https://www.academia.edu/4207043/From_Superbus_Tyrannus_to_Gwrtheyrn_Gwrtheneu_the_development_of_the_Vortigern_tradition_in_early_medieval_Wales; date of access: 24.01.2015].
3. Jackson K. Varia: II. Gildas and the names of the British princes // Cambridge Medieval Celtic Studies. – Vol. 3. – 1982. – P. 30–40.
4. Kirby D.P. Vortigern // Bulletin of the Board of Celtic Studies. – Vol. 23. – 1970. – P. 37–59.
5. Miller M. Bede's use of Gildas // The English Historical Review. – Vol. 90. – 1975. – P. 241–261.
6. Reno F.D. Historic figures of the Arthurian era : authenticating the enemies and allies of Britain's post-Roman king. – Jefferson, N.C. : McFarland & Co., 2000. – xi, 346 p.

УДК 167.7 + 930.1

Ю.С. Обидина

г. Йошкар-Ола, Марийский государственный университет

ГИПНОС И ТАНАТОС – ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отождествление сна и смерти является одним из культурных архетипов. Л.Л. Селиванова отмечает, что «сравнение смерти со сном очень древнее и принадлежит всему человечеству. У Гомера в «Илиаде» Гипнос и Танатос – близнецы, у Гесиода – дети ночи [2, XIV, с. 231, XVI, с. 672; 1, с. 141–169]. Греки считали, что одним из свидетельств особого расположения богов является быстрый уход из жизни, причем этот прекрасный дар в виде особой милости боги посылают во сне. Так произошло с Трофонием и Агамедом, которые в качестве награды за свой труд тихо и безболезненно скончались во сне [9, Frg. 2–3; 10, с. 14; 12, I. 114]. Похожим образом во сне умер поэт Пиндар, испросив себе у Аммона то, что является лучшим для человека [11, с. 110].

У Гомера состояние сна воспринималось как пограничье между жизнью и смертью. Во-первых, божество Гипнос-сон – брат-близнец Танату-смерти. Во-вторых, бог Гермес, отводящий психею к «пределам тумана и тленья», также именуется у Гомера «наводящим на бодрых сон», и «отверзающим сном затворенные очи у сонных» [3, XXIV, с. 3–4].

В-третьих, смерть часто представлена у Гомера как особая разновидность сна. Для этого поэт использует соответствующие эпитеты: «сон долгий», «сон медный» [2, VIII, с. 70, XI, с. 241]. В-четвертых, загробные тени-психеи нередко сравниваются с сонными ведениями: Одиссей сравнивает психею своей матери с «тенью или сонной мечтой» [3, XI, с. 208]. В-пятых, именно во сне являются души непогребенных – во сне явилась Ахиллу душа Патрокла [2, XXIII, с. 65–68]. Афина создает призрак, чтобы утешить Пенелопу, и он, по сути, представляет собой не что иное, как психею. И видит этот призрак-психею Пенелопа тогда, когда находится в «безмолвных вратах сновидений» [3, IV, с. 795–842].

Каким образом сон и душа взаимодействуют между собой – сон накрывает душу, либо сама душа отправляется ко сну, – у Гомера не совсем ясно. В «Илиаде» в качестве активной субстанции выступает сон – «нисходит на ресницы и душу» [2, XIV, с. 105]. В «Одиссее» же, наоборот, активность проявляет душа – душа Алкиноя покидает сон, когда царь феаков просыпается [3, VIII, с. 2].

Однако, сон и смерть, за редким исключением являются амбивалентными явлениями и разведены по разным полюсам [2, III, с. 2–58; 3, X, с. 66–69]. Сну отведен полюс максимума, он представляется положительным явлением: у Гомера он «кроткий», «мироносец», «сердечных тревог